Б. Н. МОРОЗОВ, Р. А. СИМОНОВ

ОБ ОТКРЫТИИ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЫ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО (XIV в.)

Создатель пермской азбуки епископ Стефан Пермский (ок. 1340–1396) с целью приобщения к православию язычников коми-зырян перевел (со славянского и греческого) на их язык основные богослужебные книги, в том числе, вероятно, Часослов, Псалтырь и Служебник. Ни одной из этих книг не сохранилось. Древнейшими считаются записи духовного содержания пермскими буквами на иконах: «Святая Троица» (сохранилась) и «Сошествие Святого Духа» (утрачена). Записи пермскими буквами, имеющиеся в славяно-русских рукописях, относятся к XV – началу XVI вв., т. е. написаны также после кончины Пермского просветителя [1].

Априори можно предположить, что св. Стефан Пермский должен был использовать какую-то цифровую систему для выражения чисел в своих переводах богослужебных книг. История письма говорит о следующих возможностях: использовании Стефаном готовой нумерации, как это произошло в кириллице, где стала применяться преобразованная византийская цифровая система [2]; создании Стефаном оригинальной нумерации на базе пермского алфавита, как это было сделано свв. равноапостольными Кириллом и Мефодием для другого вида славянского письма – глаголицы.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать поставленную проблему.

Источники. Первым по времени источником для настоящего исследования послужила пермская запись на иконе «Святая Троица», по преданию внесенной Стефаном в церковь села Возема в 1395–1396 гг. на пути в Москву при его последнем посещении столицы (рис. 1). В настоящее время икона хранится в

---

[1] *Шестаков П.* Св. Стефан, просветитель Пермский. Казань, 1868; *Шестаков П.* Чтение древнейшей зырянской надписи, единственного сохранившегося до сего времени памятника времени св. Стефана Великопермского // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. № 1. Январь. С. 29–46; *Саввaитов П. И.* О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенных св. Стефаном Пермским. М., 1873; *Лыткин Г. С.* Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889; *Лыткин В. И.* Древнепермский язык. М., 1952; *Прохоров Г. М.* Стефан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 411–416; *Чернецов А. В.* «Самотворитель новыя грамоты» Стефан Пермский // Древнерусская книжность (творчество и деятельность Стефана Пермского, естественно-научные и сокровенные знания на Руси) / Отв. ред. Р. А. Симонов. М., 1995. С. 48–131; Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995; Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1–2; Памяти равноапостольного Стефана. К 610-летию успения св. Стефана Пермского. Материалы расширенного заседания ученого совета Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2006.

[2] *Симонов Р. А.* О греко-византийской основе «буквенных цифр» кириллицы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4. С. 48–56; 2003. № 1. С. 24–29.

© Б. Н. Морозов, Р. А. Симонов. ВИЕТ. 2008. № 1. С. 3–21.

Рис. 1. Икона «Святая Троица». Конец XIV в. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Рис. 2. Фрагмент иконы «Святая Троица». Конец XIV в. Один случай цифры 3 («гай») содержит начало второй строки, другой случай цифры 3 («гай») – четвертый знак справа в пятой строке

Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике [3].

Крупнейший историк отечественной культуры член-корреспондент РАН Г. И. Вздорнов поддерживает датировку иконы – конец XIV в. – и указывает ее размеры: 119*75*2,5 см. Он отмечает большую историческую ценность «Святой Троицы», а не только имеющиеся на ней пермские записи: «Собственно надписи и привлекали главное внимание ученых, обращавшихся к изучению иконы. Между тем она не менее интересна как произведение искусства, причем относящееся к эпохе, от которой до нас дошло мало памятников» [4].

Записи на иконе «Святая Троица» имеют библейское содержание. Только здесь из числа всех обнаруженных древнепермских духовных текстов используется пермская цифра. В тексте одна и та же пермская цифра «3» встречается дважды: в словах о явлении Господа Аврааму с *тремя* мужами и в обращении

---

[3] Инвентарный № 2780/6466 Д. Авторы настоящей статьи благодарят участников экспедиции 2006 г. «По пути Стефана Пермского» за предоставление материалов съемки иконы (фотограф К. Шульга).

[4] *Вздорнов Г.* Вологда. 2-е изд. Л., 1978. С. 44, 127.

Авраама к Сарре об испечении пресного хлеба из *трех* мер муки. В обоих случаях «три» передается третьим пермским знаком «гай»=3 под титлом в виде горизонтальной черточки (рис. 2).

Не совсем понятно, почему прежние авторы не выделили пермские цифры в самостоятельную категорию знаков. Так, П. Д. Шестаков дает пермскому знаку «гай», идущему в алфавите на третьем месте, цифровое («3») и словесное («три») выражения, но не называет знак «гай» цифрой [5]. При этом он прибегает к речевому обороту «вместо цифры 3» там, где надо сказать «цифра 3» [6]. Возможно, автор считал цифрами только индоарабские цифры (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0), что сейчас кажется результатом почти нереальных архаических представлений, если допустить их былое существование. П. Д. Шестаков выделяет в надписи на иконе «Троица» два представленных в ней случая употребления «гая» в качестве тройки, но не связывает их с буквенно-цифровым построением пермского письма.

Несмотря на краткость цифровой информации, пермский текст на иконе «Троица» открывает использование пермских цифр непосредственно в записи духовного содержания на древнепермском языке. С учетом истории иконы, связывающей ее напрямую со Стефаном Пермским, можно представить, что включение в библейский текст пермской цифры «3», а не слова «три», может отражать стремление Пермского просветителя использовать возможности нового пермского письма как комплексной буквенно-цифровой системы.

Научное изучение надписи на иконе «Троица» было начато в XVIII в. в связи с копированием иконы. История копирования пермской записи на иконе вкратце такова. Первый список в 1788 г. сделал штаб-лекарь Фриз и опубликовал в «Актах Санкт-Петербургской академии наук». Отношение к нему ученого сообщества было однозначным – неудовлетворительный опыт [7]. Находившуюся в селе Воземе «Троицу» при епископе Арсении (ум. 1802/1803 гг.) перевезли в Вологду, а на прежнее место отправили копию (следовательно, возникла ещё одна копия надписи). В 1810-е гг. с подлинной иконной надписи сделали новую копию, а в 1813 г. она была опубликована [8]. По словам В. И. Лыткина, этот список «сохраняет нормальное расстояние и величину букв подлинника», «список наиболее точный из существующих, хотя и с некоторыми пропусками букв (слинявших в оригинале)» [9].

В начале XIX в. указанный список надписи сверил с оригиналом вологодский учитель Н. Фортунатов, что вытекает из следующих слов современника: «Сей список сверен с подлинною надписью, находящеюся в Вологодской Соборной церкви под образом Св. Троицы, учителем тамошней гимназии Николаем Фортунатовым по поручению начальства» [10]. В историографии за этим

---

[5] *Шестаков.* Чтение древнейшей зырянской надписи... С. 43, 44.

[6] Там же. С. 34.

[7] *Лыткин.* Древнепермский язык... С. 37.

[8] См.: Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1813. № 36. Фортунатовский список воспроизведен на вклейке между стр. 262 и оглавлением. В. И. Лыткин дает неточное библиографическое описание: ошибка в названии, отсутствует место издания, неверно указаны номер издания и место вклейки.

[9] *Лыткин.* Древнепермский язык... С. 34, 37.

[10] Рец. (аноним.) на кн.: *Флёров А.* Зырянская грамматика. СПб., 1813 // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения... С. 260–261. Первая публикация Фортунатовского списка приложена к данной анонимной рецензии.

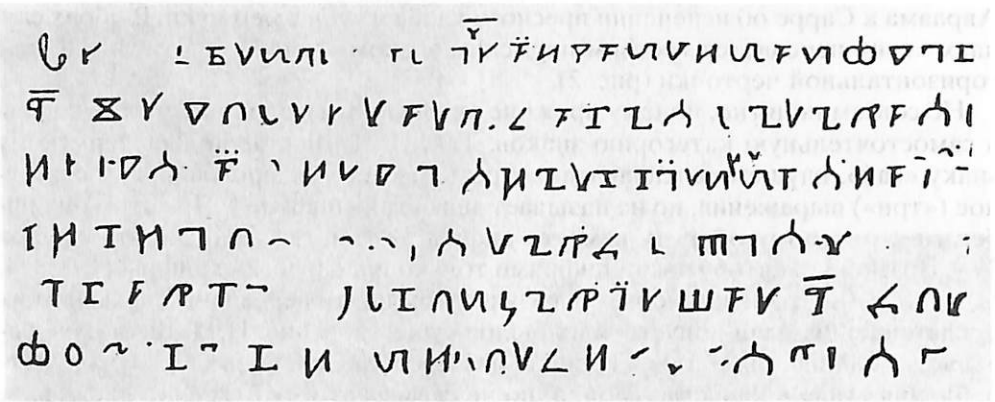

Рис. 3. Левый край Фортунатовской копии древнепермской записи на иконе «Святая Троица». Нач. XIX в. Пермская цифра 3 («гай») – первая слева во 2-м ряду и четвертая справа в 5-м ряду

списком закрепилось название «Фортунатовский список», хотя истинным копиистом могло быть другое лицо. Сравнение этой копии с последним ее фотографированием в 2006 г. показывает, что пермская цифра «3» (в обоих случаях) на иконе хорошо заметна, лишь частично утратив часть титла, однако сохранившего форму горизонтальной черты (рис. 2, 3).

Следует отметить, что хотя в книге В. И. Лыткина «Древнепермский язык» (М., 1952) дана публикация пермской цифры «3» в контексте истории записи на иконе «Троица», ни одного слова о существовании пермских цифр в работе нет.

Массовым источником о пермских цифрах служат сделанные пермскими знаками числовые пометы, выявленные на листах тетрадей некоторых славяно-русских рукописных книг, переписанных в Коми крае в начале XVI в. Назначение помет заключается в счете тетрадей, из которых сшивались рукописные книги. Стандартный лист бумаги перегибался пополам, затем в четыре раза, далее – в 8, 16 раз или даже в 32 раза. Отсюда появились характеристики, выражавшие размер книги: «в лист», «в пол-листа», «в четверть», «в осьмушку», «в 16 долю», «в 32 долю» и подобные. И сейчас указанный принцип работает в книжном деле. Многие книги сшиты из 8-листных (16-страничных) тетрадей, о чем знают искушенные читатели и исследователи, как об особом тетрадном счете, наряду с постраничной нумерацией. Средневековые книги первоначально имели только тетрадный счет, а листовая нумерация (постраничная нумерация обычно не применялась) появилась в них преимущественно в XVIII–XX вв. благодаря труду библиотекарей и архивистов. Тетрадная нумерация сохранилась не во всех средневековых рукописях. Во-первых, она не всегда проставлялась. Во-вторых, ее могли обрезать при замене переплетов и реставрации книги.

Данные о соответствующих пометах появились в печати в связи с изданием Мазуринской кормчей, которую подготовили Е. В. Белякова, К. Илиевская, О. А. Князевская, Е. И. Соколова, И. П. Старостина и Я. Н. Щапов [11]. В соста-

[11] Мазуринская кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование. Тексты / Отв. ред. Я. Н. Щапов. М., 2002.

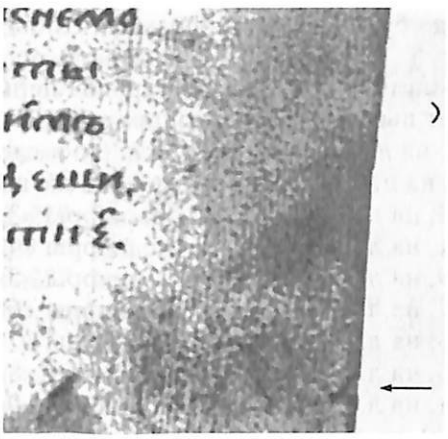

Рис. 4. Левая часть тетрадной пометы 24 в виде пермской цифры 20 на нижнем поле л. 182 (справа на обрезе листа) Уваровского списка 1510 г. Мазуринской кормчей. Собрание Государственного исторического музея

вленном Е. В. Беляковой описании Уваровского списка 1510 г. Мазуринской кормчей (сокращенно Увар.–81) говорится:

> В рукописи сохранилась нумерация тетрадей пермскими буквами. Приводим их числовые значения: л. 15 об. – 2; л. 16–23 об. – 3; л. 24–31 об. – 4; л. 32–39 об. – 5; л. 40–47 об. – 6; л. 48–55 об. – 7; л. 56–63 об. – 8; л. 64–71 об. – 9; л. 72–79 об. – 10; л. 80–87 об. – 11; л. 88–95 об. – 12; л. 96–103 об. – 13; л. 104–111 об. – 14; л. 112–119 об. – 15; л. 120–127 об. – 16; л. 128–135 об. – 17 (киноварью); л. 136–143 об. – 18; л. 144 – 19 (наверху перевернутый знак 19); л. 158–160 об. – 21; л. 161–173 об. – 22; л. 174–181 об. – 23; л. 182–189 об. – 24, л. 190 – 25, л. 198 – 26, л. 206 – 27, л. 214 – 2[8], л. 222 – 29, л. 230 – 30.
>
> Пермские знаки, обозначающие тетради, историками не воспроизводились [12].

Последнее не совсем верно. Обозначение 24-й тетради пермскими цифрами воспроизводится в издании Мазуринской кормчей 2002 г., где напечатано указанное описание Е. В. Беляковой. Правда, тетрадная помета сохранилась не полностью: от числа осталась его левая часть – пермская цифра 20, а правая часть – цифра 4 – отсутствует. Вероятно, она была обрезана при переплете рукописи (рис. 4) [13]. В издании 2002 г. в данном контексте это не отмечается.

В описание счета тетрадей Е. В. Беляковой необходимо внести определенные коррективы. Из ее описания не совсем ясно, что цифры стоят на первом и на последнем листах – следовало отметить каждый лист (отмечены листы всей тетради через тире), не указано, что в некоторых тетрадях одна из цифр именно в конце тетради утрачена механически или, возможно, была не проставлена. Пропущено описание 20-й тетради. Не упомянута последняя тетрадь – л. 238–244 (последний, очевидно, чистый лист отсутствует), – у которой цифр нет. Кроме того, имеется опечатка – в 21-й тетради последний лист указан как 160 об. вместо 165 об. Не отмечена общая особенность написания чисел пермскими цифрами – наличие титл, специальных горизонтальных значков,

[12] Там же. С. 94.

[13] Мазуринская кормчая… Рис. 21 – на вклейке в конце книги.

которые ставились над «буквенными цифрами», чтобы отличать их от настоящих букв.

Более подробное описание нумерации тетрадей пермскими цифрами в рукописи Увар.–81 может выглядеть следующим образом:

Тетрадь [1] – л. 1–8, на л. 1 цифры нет, на л. 8 об. следы титла.

Тетрадь 2 – л. 9–15, на л. 9 цифры нет, на л. 15 об. цифра «2».

Тетрадь 3 – л. 16–23, на л. 16 и на л. 23 об. цифры «3».

Тетрадь 4 – л. 24–31, на л. 24 и на л. 31 об. цифры «4».

Тетрадь 5 – л. 32–39, на л. 32 и на л. 39 об. цифры «5».

Тетрадь 6 – л. 40–47, на л. 40 и на л. 47 об. цифры «6».

Тетрадь 7 – л. 48–55, на л. 48 и на л. 55 об. цифры «7».

Тетрадь 8 – л. 56–63, на л. 56 и на л. 63 об. цифры «8».

Тетрадь 9 – л. 64–71, на л. 64 и на л. 71 об. цифры «9».

Тетрадь 10 – л. 72–79, на л. 72 и на л. 79 об. цифры «10».

Тетрадь 11 – л. 80–87, на л. 80 и на л. 87 об. цифры «1» «10».

Тетрадь 12 – л. 88–95, на л. 88 и на л. 95 об. цифры «2» «10».

Тетрадь 13 – л. 96–103, на л. 96 и на л. 103 об. цифры «3» «10».

Тетрадь 14 – л. 104–111, на л. 104 и на л. 111 об. цифры «4» «10».

Тетрадь 15 – л. 112–119, на л. 112 и на л. 119 об. – цифры «5» «10».

Тетрадь 16 – л. 120–127, на л. 120 и на л. 127 об. – цифры «6» «10».

Тетрадь 17 – л. 128–135, на л. 128 и на л. 135 об. – цифры «10» «7» (цифра десять на первом месте!). Все цифры выполнены киноварью и киноварные же титла имеют украшения в виде утолщенной точки посередине.

Тетрадь 18 – л. 136–143, на л. 136 и на л. 143 об. – цифры «8» «10». На л. 136 чернильное титло над цифрами украшено так же как и предыдущие киноварные титла.

Тетрадь 19 – л. 144–149 (шестилистная), на л. 144 – цифры «9» «10», те же цифры написаны другими чернилами вверху листа – смотрятся в перевернутом положении («вверх ногами»), также перевернутыми они смотрятся и на л. 149 об. (у Беляковой не отмечено), и на этом же листе внизу оборванные следы титла. Возможно, на первоначально пронумерованной тетради стали писать текст, перевернув ее (с конечного листа), а затем пронумеровали снова. Но следует отметить, что первоначальные (ныне перевернутые) номера тетради написаны иными чернилами (и, вероятно, иным пером), чем все другие цифры.

Тетрадь 20 – л. 150–157, на л. 150 – цифры «20» «1», на л. 157 об. цифр нет.

Следующие тетради и соответственно номера на них написаны иным, более мелким почерком (иным пером и чернилами?). Это требует дополнительного кодикологического исследования.

Тетрадь 21 – л. 158–165, на л. 158 и на л. 165 об. – цифры «20» «1».

Тетрадь 22 – л. 166–173, на л. 166 и на л. 173 об. – цифры «20» «2».

Тетрадь 23 – л. 174–181, на л. 174 и на л. 181 об. – цифры «20», но вместо цифры «3» – соответственно пермской буквы «гай» (см. на л. 16 и 23 об.) – написана буква, похожая на кириллическую букву «ф».

Тетрадь 24 – л. 182–189, на л. 182 видна только цифра «20», далее срезано, на л. 189 об. цифры «20» «4».

Тетрадь 25 – л. 190–197, на л. 190 цифры «20» «5», на л. 197 об. цифр нет, внизу срезанная запись писца, не отмеченная Беляковой: «пи(?)опытай».

Тетрадь 26 – л. 198–205, на л. 198 цифры «20» «6», на л. 205 об. цифр нет.

Тетрадь 27 – л. 206–213, на л. 206 цифры «20» «7» (последняя цифра частично срезана), на л. 213 об. цифр нет.

Тетрадь 28 – л. 214–221, на л. 214 цифры «20» «8» (последняя цифра частично срезана), на л. 221 об. цифр нет.

Тетрадь 29 – л. 222–229, на л. 222 цифры «29» «9», на л. 229 об. цифр нет.

Тетрадь 30 – л. 230–237, на л. 230 цифра «30», на л. 237 об. цифр нет.

Тетрадь 31 – л. 230–237, цифр нет.

Тетрадные пометы здесь ставятся на нижнем поле листа справа, иногда еще и сверху, что оговаривалось выше. Всего во всех тетрадных пометах (числах) рукописи Увар.–81 использована 81 пермская цифра. Следует отметить еще одну (кроме титл) характерную особенность записи чисел пермскими цифрами – как и кириллические числа, они выделяются точками по краям, но непоследовательно – не всегда – редко двумя, а в основном одной, после числа.

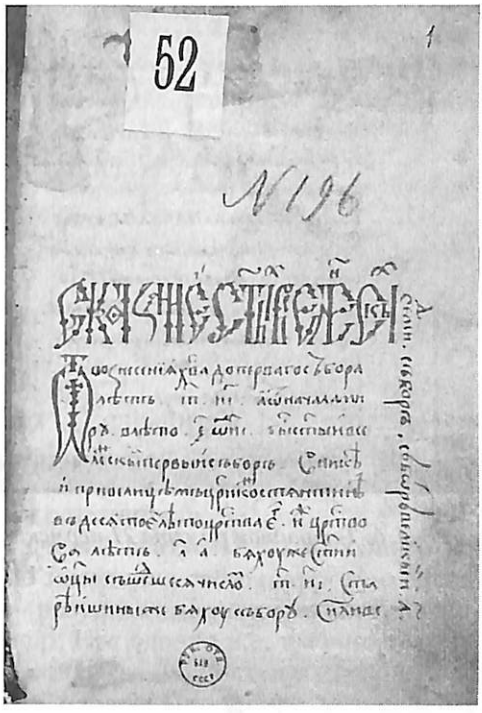

Рис. 5. Заглавный лист Сборника церковно-канонических статей 1511/1512 гг. Собрание БАН, Санкт-Петербург

Тетрадные пометы пермскими цифрами недавно были обнаружены еще в одной рукописи собрания Архангельской семинарии (БАН. Арх. № 5, сокращенно Арх.–5). Это Сборник церковно-канонических статей 1511/1512 гг. (рис. 5), переписанный в южных пределах Пермско-Вычегодского края (Никольский погост на реке Лале) [14]. Текст книги славяно-русский без каких-либо фрагментов на древнепермском языке, при этом «пермские буквы использованы лишь для нумерации страниц» [15] (точнее – для нумерации тетрадей).

Пермские цифры в рукописном Сборнике церковно-канонических статей 1511/1512 гг. сохранились не в начале рукописи, а с 158-го листа. Однако, поскольку здесь также нумеруются 8-листовые тетради, то по их счету л. 158 должен иметь номер 20 или 21. В первом случае, вероятно, будет использоваться один знак, а во втором – два, как и представлено на на л. 158 (рис. 6). Значит, скорее всего, здесь указано число 21. Поступая аналогичным образом, можно идентифицировать остальные числа, записанные пермскими цифрами: 22 (л. 166) (рис. 7), 23 (л. 174) (рис. 8), 24 (л. 182) (рис. 9), 25 (л. 190) (рис. 10), 26 (л. 198) (рис. 11). Тетрадные пометы в этой рукописи ставили в се-

---

[14] См. краткое описание рукописи в кн.: *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 343. Но на использование писцом пермской азбуки для нумерации тетрадей не указано.

[15] *Сивкова А.* Новые тексты на древнепермском языке обнаружил в архивах московский ученый Борис Морозов // Республика. Издание правительства и Государственного совета Республики Коми. 18 мая 2007 г. С. 2.

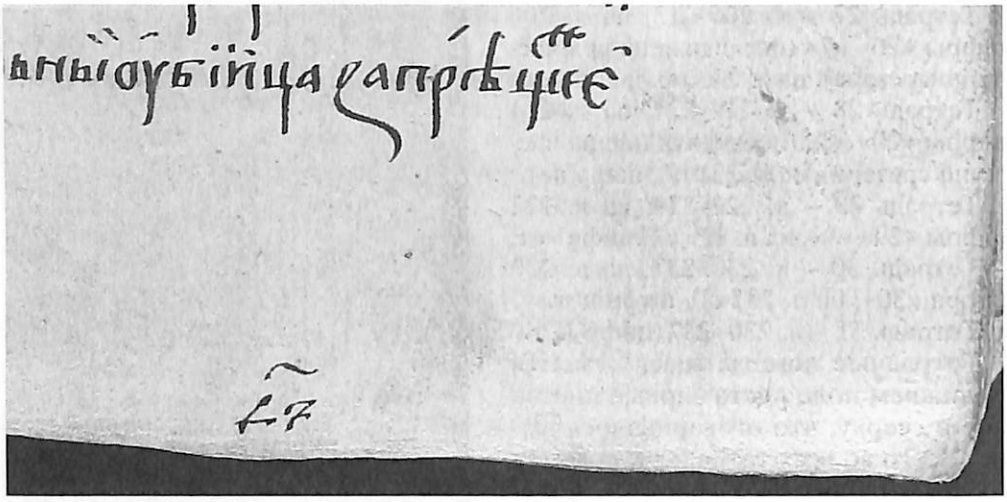

Рис. 6. Тетрадная помета 21 пермскими цифрами на нижнем поле л. 158. Сборник 1511/1512 гг.

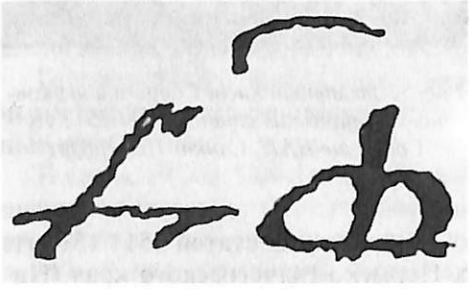

Рис. 7. Тетрадная помета 22 пермскими цифрами на л. 166. Сборник 1511/1512 гг.

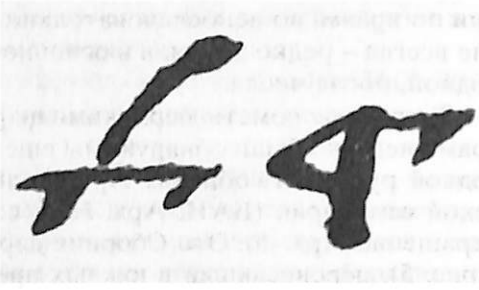

Рис. 8. Тетрадная помета 23 пермскими цифрами на л. 174. Сборник 1511/1512 гг.

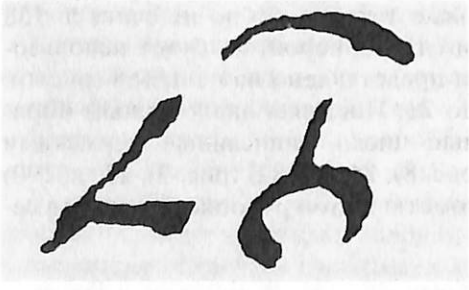

Рис. 9. Тетрадная помета 24 пермскими цифрами на л. 182. Сборник 1511/1512 гг.

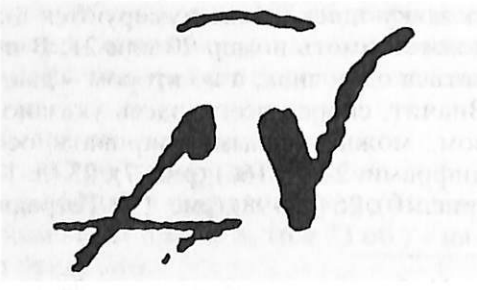

Рис. 10. Тетрадная помета 25 пермскими цифрами на л. 190. Сборник 1511/1512 гг.

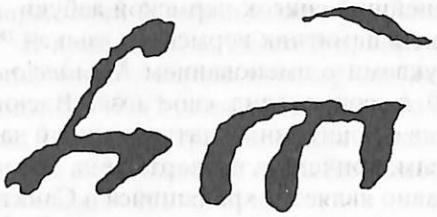

Рис. 11. Тетрадная помета 26 пермскими цифрами на л. 198. Сборник 1511/1512 гг.

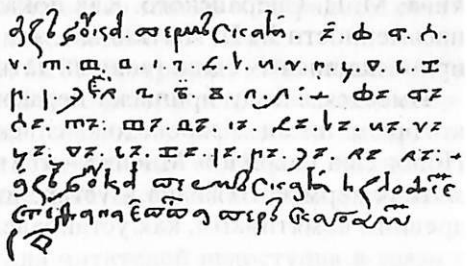

Рис. 12. «Азбука пермская». Уваровский список 1510 г. Мазуринской кормчей

редине нижнего поля. Всего в рукописи Арх.–5 сохранилось шесть тетрадных помет (чисел), для записи которых использовано 12 пермских цифр. Итого в двух рукописях Увар.–81 и Арх.–5 имеется 93 пермских цифры (81 + 12 = 93), что позволяет заключить о массовости этого источника.

Парадоксально выглядит источниковедческий статус этого массового источника. Ведь, очевидно, что св. Стефан не замышлял свою цифровую систему специально для тетрадных помет: они – результат дополнительного, вспомогательного использования пермских цифр. Но, однако же, именно тетрадный счет дал массовый материал для выявления особенностей их графики. В указанной связи подтверждается участие Стефана Пермского в переписке книг, а не только в переводе духовных текстов. Так, на его деятельность по переписке книг указывает Г. М. Прохоров: «В монастыре С[тефан] стал также опытным книгописцем…» [16] и А. В. Чернецов, отмечавший, что он был «профессиональным» и «опытным переписчиком книг» [17].

Возможно, Стефан Пермский также переписывал и книги, переведенные им на древнепермский язык, при этом используя пермские цифры для счета тетрадей. В таком случае соответствующая стефановская традиция, представленная в творчестве Гаврилы и Васюка – книгописцев земли пермской конца XV – начала XVI вв. – надо думать, не была переоткрыта, а успешно продолжена ими. Следовательно, древнепермская книжность не исчезла с лица земли, как считается, она частично сохранилась в виде помет тетрадного книжного счета на основе пермских цифр.

Еще одним источником служит «Азбука пермская» – неоднократно публиковавшийся перечень пермских знаков (рис. 12). Он содержится в Уваровском сп. 1510 г. Мазуринской кормчей. Е. В. Белякова его характеризует так: «На л. 244 запись *азъбука перъмскаіа* (и даны 28 букв пермской азбуки и 20 слогов с первой буквой пермского алфавита) *азъбука пермъскаіа. изложе(н)е стефана еп(с)па перъскаго. ам(н)* (см. фото на вклейке). Записи сделаны вычурными буквами, с подражанием греческому минускулу, с лигатурами… Рассматриваемая рукопись имеет исключительную ценность благодаря содержащейся в ней пермской азбуке. Запись пермской азбуки была воспроизведена в описании собрания графа Уварова архимандритом Леонидом и неоднократно повторялась в работах П. И. Савваитова, П. Шестакова, Г. Лыткина, В. Лыт-

[16] *Прохоров*. Стефан... С. 412.

[17] *Чернецов*. «Самотворитель новыя грамоты» Стефан Пермский... С. 69, 72.

кина, М. Н. Сперанского. Как показало специальное исследование пермской письменности В. И. Лыткиным, это – древнейший список пермской азбуки, а приписка писца – единственный датированный памятник пермского языка» [18].

Имеется в виду приписка пермскими буквами с именованием *Кылдас'эв*, которым писец Уваровского списка 1510 г. сопроводил свое имя: Васюк Попов сын Гаврилов. Мнение – что приписка единственный датированный памятник пермского языка, – устарело. Вторым, причем на четверть века более древним памятником, как установлено недавно является хранящийся в Санкт-Петербурге в Институте истории РАН (собрание Н. П. Лихачева, № 360) Сборник поучений Исаака Сирина со стефановскими письменами, имеющий точную дату написания – 1485/1486 г. и связанный с рукописями 1510 г. и 1511 / 1513 г.

Рис. 13. Древнепермский словесный счет тетрадей «десят татратей» (по А. Х. Востокову). Сборник конца XIV(?) – начала XV вв. Нижнее поле листа 60 (55). Собрание РГБ, фонд Румянцева, № 357

Помимо «Азбуки пермской» имеется еще свыше десятка полных списков пермских знаков (включая – с названиями) и фрагментов таковых в славяно-русских памятниках. Их обзор дает В. И. Лыткин [19]. Точно датированным является только один из них – «Азбука пермская» по Уваровскому списку 1510 г. Кроме того, «Азбука пермская» – источник, сочетающий в себе качества азбуки и «цифрового алфавита», о чем подробнее будет сказано ниже.

Историография. Поскольку до Е. В. Беляковой в литературе о тетрадных пометах пермскими цифрами не было речи, то и историография по ним должна бы отсутствовать. Оказывается, что это не так. Парадоксально, но до изучения самих пермских цифр имелись данные, относящиеся к соответствующей историографии. Речь идет о записи пермскими буквами информации о тетрадном счете, входящем в объектную область настоящего исследования (рис. 13). Впервые об этом написал безвестный средневековый (?) писец, а 165 лет назад А. Х. Востоков воспроизвел его запись, описывая рукописный сборник (РГБ, собр. Румянцева, № 357; далее – Рум.-357), где она встречается: «Собо(р)никъ старой, а на 60-м листе, где показано начало 10-й тетради, записал кто-[то] пермскими буквами: деciа(т) татратей» [20]. Указанная приписка пермскими буквами сопровождается следующими словами А. Х. Востокова: «Чернила сей приписки кажутся немногим новее употребленных в тексте». В начале своего описания рукописи ученый отмечал, что сборник написан «уставом начала XV или конца XIV в.» [21] Значит, он считал приписку не древнее

---

[18] Мазуринская кормчая... С. 95, 96.

[19] *Лыткин.* Древнепермский язык... Сводка данных о пермских знаках (графика, названия) дана на вклейке в конце книги.

[20] В круглых скобках даны выносные буквы, в квадратных восстановлена пропущенная часть слова.

[21] *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 507–508. Датировка А. Х. Востоковым Сборника Рум. № 357 была принята в советской историографии в широком варианте «XV–XVI вв.» (*Лыткин В.* Древнепермский язык… С. 84, 171) и узком «кон. XIV (?) – нач. XV в.» (Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 264).

XV в., и следовательно первая историографическая запись о тетрадном счете пермскими буквами может условно относиться к XVI–XVIII вв.

В конце XIX в. об этой приписке писал И. С. Некрасов: «Известно, что в описании Румянцевского музея, сделанном Востоковым, есть указание в сборнике XV–XVI в. на начало десятой тетради, сделанное пермскими письменами, которые в транскрипции означают «десят татратей» [22]. Новым, по сравнению с информацией А. Х. Востокова, здесь является более поздняя датировка рукописи – XV–XVI вв.

Рукопись Рум.–357 в настоящее время для читателей недоступна в связи с переездом Отдела рукописей РГБ в другое помещение. Однако доктор исторических наук И. В. Левочкин по нашей просьбе любезно согласился посмотреть с сотрудниками рукопись с целью уточнения имеющихся о ней историографических сведений [23]. Обнаружились некоторые неожиданные нюансы, на которые прежде не обратили внимания А. Х. Востоков и др. исследователи. Так, перед пермскими словами «десят татратей» стоит не отмеченный А. Х. Востоковым знак кириллической десятки «и десятиричное», отделенный точкой от пермской записи. Еще одной новостью является факт использования в Рум.–357 кириллических цифр в тетрадных пометах (не пермских!), хотя их сохранность желает лучшего из-за многократных обрезаний листов рукописи и при реставрациях.

Частично разъяснилась загадочность слов А. Х. Востокова о том, что пермская приписка о десяти тетрадях сделана в начале десятой тетради, тогда как простой подсчет этому не отвечал: 60-й лист с припиской соответствовал концу (не началу) десятой 6-листной тетради. Оказалось, что рукопись имеет двойную нумерацию: архаическую – кириллическими цифрами, а также более новую – индоарабскими цифрами (карандашом). В старой нумерации лист занумерован знаком «кси» (60), а в новой – 55. Девять 6-листных тетрадей насчитывают 54 листа ($6 \times 9 = 54$), и л. 55 соответствует именно началу десятой 6-листной тетради.

По-видимому, А. Х. Востоков держал в руках рукопись Рум.–357 без переплета, что позволяло ему видеть расположение тетрадей и сделать заключение о расположении приписки именно в начале десятой тетради. Архаическая нумерация («кси»=60) неточна; вероятно, ее проставляли в спешке – с пропуском чисел, например, после КА (21) на следующем листе он поставил КГ (23) и т. д., что и могло привести к увеличению счета листов: лист, занумерованный знаком «кси»=60, в действительности соответствовал реальному л. 55. Однако окончательный вывод можно будет сделать после детального просмотра рукописи Рум.–357, что в настоящий момент, как отмечалось, невозможно. Истины ради следует отметить, что в 1970-е гг. полистный просмотр Рум.–357 также осуществил нидерландский славист В. Р. Федер, который установил утрату в рукописи 53-го листа[24], расположенного вблизи пермской приписки (на л. 55).

---

[22] *Некрасов И. С.* Пермские письмена в рукописях XV века. Одесса, 1890. С. 1.

[23] Авторы статьи сердечно благодарят И. В. Левочкина за предоставление новых сведений о рукописи Рум.–357.

[24] Дополнение и уточнение к описи А. Х. Востокова «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» (СПб., 1842). Описание составлено К. А. Майковой и Н. А. Щербачевой. Машинопись. М., 1975–1977. С. 80.

Существа приписки касался известный палеограф и археограф М. Н. Сперанский. Рукопись, где встречается приписка пермскими буквами, ученый считал «относящейся к первой пол. XV в.». Он полагал приписку своеобразной тайнописью, зашифровывающей славяно-русскую фразу, ключом к раскрытию которой для М. Н. Сперанского была «Азбука пермская» (по Уваровскому сп. 1510 г.). По его мнению, «запись читается так: «десиіат(іа) та(=е)тратеі» [25]. Тем самым М. Н Сперанский как бы обращал внимание, что слово «тетрадей» ошибочно записано как «татратей». Однако ему не был известен счет тетрадей пермскими цифрами, приписку он, очевидно, считал выполненной по-русски (с ошибкой) и зашифрованной пермскими буквами. По данным В. И. Лыткина, начертания древнепермских букв в русских текстах, написанных стефановской азбукой, «развились на русской почве, среди московских писцов, которые, возможно, переняли древнепермскую азбуку еще от самого Стефана» [26].

В слове «татратей» не обязательно есть ошибка в транскрипции соответствующего русского слова: писец хорошо знал пермскую букву «е», которую правильно употреблял в обоих словах приписки, не путая ее с буквой «а». Однако проставление буквы «а» там, где по-русски следовало бы употребить «е», как будто бы не отвечает особенностям коми языка [27].

Использование в древнепермском языке русских числительных можно связать с многолетними торговыми отношениями Перми с Русью. Тогда получается, что «десят татратей» – результат формирования в древнепермском языке особенностей, обусловленных расширением культурного тезауруса в связи с восприятием православной письменной культуры в рамках общекультурных контактов с русским народом. Для реалий древнепермского тетрадного счета рассматриваемая приписка может иметь следующее значение. При использовании в древнепермском тетрадном счете пермских цифр последние могли называться по-русски: *одна* (тетрадь), *две... десят* (тетрадей) и так далее [28]. При этом русское слово «тетрадей» произносилось как «татратей». Однако эти предположения нуждаются в научном лингвистическом обосновании.

Исследование. Е. В. Белякова не объясняет, каким образом она идентифицировала пермские цифры в рукописи 1510 г. Однако, поскольку они встречаются в качестве помет тетрадного счета почти с начала рукописной книги и видно, что их последовательность соответствует 8-листным тетрадям, то исследовательница правильно отождествляет с цифрой «2» знак, указанный на

---

[25] *Сперанский М. Н.* Тайнопись в южнославянских и русских памятниках письма. Л., 1929. С. 72–73. В расшифровке, данной М. Н. Сперанским в приписке, в первом слове последний звук передан «йотированным азом», набранное мелко «т» вынесено над строкой.

[26] *Лыткин.* Древнепермский язык... С. 87.

[27] Как будто бы отсутствует (по аналогии: древнепермское усвоение слова *татрадей* из русск. *тетрадей*) возможность для появления в общепермском языке слова «тасма» (коми – «ремень», удм. – «тесьма, лента») из русского «тесьма»: «Комийское слово *тасма* нельзя выводить из русск[ого] *тесьма*, так как первые три звука коми слова никак не могли получиться из русского (в северорусском произношении *т'эс'ма*)». См.: *Лыткин В. И.* О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1951. № 4. С. 389; *Лыткин В. И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964. С. 166.

[28] В зырянском языке во второй половине XVIII в. существовали числительные до 100000, как свидетельствуют полевые записи академика И. И. Лепехина, см.: *Лыткин.* Древнепермский язык... С. 155.

л. 15 об. Также, по-видимому, как и остальные пермские числовые знаки (о случаях допущенных ею отдельных неточностей см. выше). Вероятно, Белякова ориентировалась и на «Азбуку пермскую», воспроизведенную в той же рукописи на л. 244 [29].

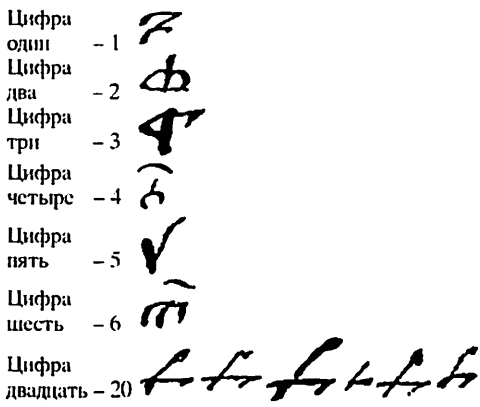

Рис. 14. Корпус пермских цифр. Сборник 1511/1512 гг.

По данным обеих рукописей, свидетельством того, что писец в начале XVI в. воспринимал тетрадные пометы в качестве чисел (не букв), являются стоящие над пометами титла. Они в тетрадных пометах имеют следующий вид: волнистый, дугообразный и украшенный посредине точкой. Над пометами титла ставились не всегда. Вероятно, для писца было привычным делать числовые пометы, в том числе пермскими цифрами: он не задумывался о форме титл, иногда забывая их ставить. Кстати, единственное (дугообразное) титло стоит над первым знаком «Азбуки пермской» (Уваровский сп. 1510 г.). Как отмечалось, в пермской записи на иконе «Святая Троица» титло над пермской цифрой «3» имеет форму горизонтальной черточки (два случая).

Можно предположить несколько причин, по которым писец прибегал при переписке славяно-русских книг к пермским цифрам при маркировке книжных тетрадей, а не, например, к кириллическим цифрам:

1. Писцу пермские цифры были привычнее в быту (кириллические цифры он мог также хорошо знать, но при этом считать относящимися к духовной сфере, как и основной текст переписываемых книг);

2. Нумеруя тетради, писец мог учитывать, что в кириллическом облике числовые пометы отвлекали бы внимание читателей недоуменными вопросами типа: «откуда они здесь взялись?», «что собой выражают?», «какое отношение имеют к тексту книги?». А пометы пермскими цифрами таких вопросов и ненужных эмоций у читателей не вызывали бы.

В обоих случаях писец мог относиться к пермским цифрам как знакам бытового назначения, в отличие от кириллических цифр, которые ассоциировались с кириллическим письмом духовного характера.

Итак, в тетрадных пометах Уваровского списка 1510 г. Мазуринской кормчей использовались следующие пермские цифры: 1 (четыре случая), 2 (пять сл.), 3 (шесть сл., учитывая вариант написания, схожий с буквой «ф»), 4 (пять сл.), 5 (пять сл.), 6 (пять сл.), 7 (пять сл.), 8 (пять сл.), 9 (шесть сл.), 10 (двадцать один сл.), 20 (четырнадцать сл.), 30 (один случай). В Сборнике 1511/1512 гг. содержится информация о следующих пермских цифрах: 1 (один случай), 2 (один сл.), 3 (один сл.), 4 (один сл.), 5 (один сл.), 6 (один сл.), 20 (шесть случаев) (рис. 14).

Таким образом, имеются две серии пермских цифр, объединенные «Азбукой пермской» (рис. 15–17). По времени источники совпадают, относясь к началу XVI в. Важно выяснить, имеют ли они также общее происхождение. Необходимое кодиколого-археографическое изучение источников в комплексе

[29] Мазуринская кормчая... С. 95. Рис. 23 – на вклейке в конце книги.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы									
Десятки									
Сотни									

Рис. 15. Пермские цифры. Уваровский сп. 1510 г. Мазуринской кормчей

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы									
Десятки									
Сотни									

Рис. 16. Пермские цифры. Сборник 1511/1512 гг.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы									
Десятки									
Сотни									

Рис. 17. Цифровая система «Азбуки пермской»

было осуществлено незадолго до настоящего исследования [30]. Оказалось, что обе рукописи (1510 и 1511/1512 гг.) вышли из-под пера одного человека – Васюка Попова сына Гаврилова-Кылдашева (Кылдас'эва – Дьяконова). Очевидно, Васюк был сыном черного попа (иеромонаха) Гаврила сына Лукина, который в 1485/1486 г., будучи еще дьяконом, переписал Сборник поучений Исаака Сирина, включив в него фрагменты со стефановскими письменами.

[30] *Морозов Б. Н.* Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI вв. // Музеи и краеведение. Тр. Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2007. Вып. 6. С. 137–142. *Трефилова А.* «Анбур, еще анбур» // Аргументы и факты. Коми. 23 мая 2007; *Артеев А.* Стоявшие у истоков древней коми культуры // Молодежь Севера. 5 июля 2007.

Их родство подтверждается записью в еще одной рукописи Васюка – Псалтыри 1517 г., написанной им на Вычегодском погосте Лена, но пермских букв и цифр в ней нет [31].

Очевидно, Гаврила и Васюк составляли династию книгописцев, работавших на территории Коми края в конце XV – начале XVI вв., и можно предположить, что более ста лет после Стефана Пермского традиции древнепермской письменности (включая знания о пермских цифрах) сохранялись в среде местных интеллектуалов, в том числе и передачей их от отца к сыну.

Сравнение выявленных данных о начертании пермской цифры «3» в записи на иконе «Святая Троица» и тетрадного счета в указанных двух рукописях начала XVI в. с «Азбукой пермской» показывает совпадение последовательности ее знаков с пермскими цифрами. Это может означать, что, по замыслу Стефана Пермского, его азбука (по мнению некоторых ученых, как, например, и глаголица [32]) имела нумерационный смысл. В ее составе было 27 основных букв-цифр, которые образовывали три разрядные девятки: первая выражала цифры-единицы, вторая – цифры-десятки, третья – цифры-сотни.

Но в «Азбуке пермской» приводится не 27, а 28 знаков. Последний 28-й знак выглядит как предыдущий (27-й), дополненный слева «хвостиком» (рис. 12):

27	28
л	⟓

Аналогичный «хвостик» славяне заимствовали у византийцев вместе с цифровой системой: он служил для обозначения больших чисел порядка нескольких тысяч. «Хвостик» претерпел несколько модификаций. Так, в славяно-русской практике тысячный «хвостик» с одним перечеркиванием представлен в записи «цифрового алфавита» на деревянной основе церы Новгородской псалтыри первой четверти XI в. [33]. Но и в XII–XIII вв. знак тысяч такой формы был еще редкостью. В XIV в. тысячный знак без перечеркивания употреблялся в сочетании с перечеркнутым «хвостиком» или с утолщением в виде точки. Например, в «цифровом алфавите» Служебника второй половины XIV в. перечеркивания «хвостика» столь малы, что могут быть приняты за «точку» (кстати, здесь встречается форма титл с точкой посередине) [34]. В «Мериле праведном» по списку XIV в. на одном и том же 283-м листе используется тысячный знак без перечеркивания и с «точкой» [35]. В XV в. тысячный «хвостик» стал практически повсеместно перечеркиваться одной черточкой,

---

[31] *Морозов Б. Н.* Новое о древнепермской письменности в Коми крае в начале XVI века // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005. С. 140–144.

[32] См.: *Иванова Т. А.* Глаголица: новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). СПб., 2004. Т. 56. С. 84–85.

[33] *Зализняк А. А.* Древнейшая кириллическая азбука // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 31.

[34] РНБ. Служебник. 2-я пол. XIV в. Шифр F.n.I, № 73. Л. 395 об.

[35] Мерило праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением академика М. Н. Тихомирова. М., 1961. Л. 283.

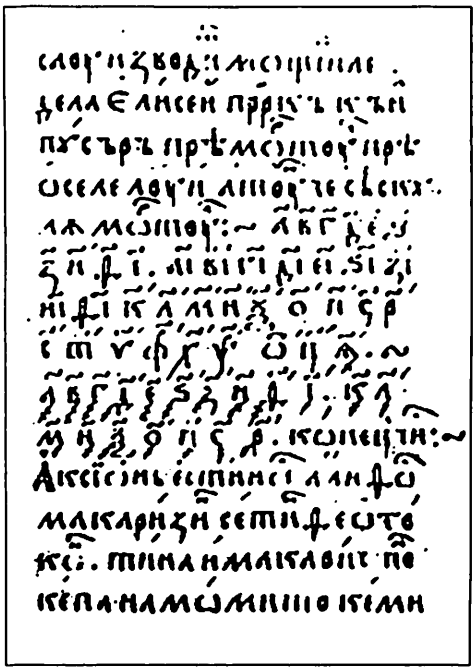

Рис. 18. «Цифровой алфавит». Сборник богослужебный, 1661 г. Собрание Пражского народного музея, Чехия

а в XVI в. – двумя. В таком виде он попал в печатные книги и с тех пор не меняет начертания.

Если «хвостик» с «точкой» в «Азбуке пермской» при 28-м знаке предназначается для записи тысяч, то он может служить важной хронологической приметой XIV в., так как тысячный знак с «точкой» позже этого времени не встречается. А это в свою очередь означает, что подлинник «Азбуки пермской», представленный позднейшей записью Уваровского списка 1510 г. Мазуринской кормчей, действительно восходит ко времени Стефана Пермского и, возможно, был составлен им самим, а не позднейшими комментаторами (например, писцами Гаврилой или Васюком).

Традиция, аналогичная объяснению о назначении «хвостика» 28-го знака «Азбуки пермской», существовала у южных славян (в Древней Руси она как будто бы не была выражена отчетливо, а обычно употреблялась система, в которой для записи десятков тысяч, «тем», знаки единиц обводились сплошной окружностью, для выражения сотен тысяч, «легионов», – окружностью из точек, для записи миллионов, «леодров», – окружностью из лучей и т. д.). Так, в одном славяно-молдавском «цифровом алфавите», содержащем, как и «Азбука пермская», 28 знаков, первые девять из них выражали единицы, вторые – десятки, третьи – сотни, а 28-й знак («сампи» в виде треножника или похожий на него «юс малый») обозначал 900. Поскольку ему придан тысячный «хвостик», то он фактически значил 900 тысяч (900 × 1000 = 900000). Этим знаком («сампи» или «юсом малым» с тысячным «хвостиком») показан предел (900000), порядок которого могло достигать наибольшее число в цифровой системе рассматриваемого «цифрового алфавита». И действительно, далее в тексте показано, как при помощи «хвостика» можно выразить большие числа от 1000 до 100000.

Текст рассматриваемого славяно-молдавского «цифрового алфавита», по-видимому, писался не единовременно. Основная часть могла относиться к XIV–XV вв., о чем свидетельствует тысячный «хвостик» с одним перечеркиванием при 28-м знаке («сампи» или «юсе малом»), а позже появились дополнительные данные о больших числах, где тысячные знаки имеют два перечеркивания, т. е. отражают традицию XVI–XVII вв. (рис. 18) [36].

[36] Сборник богослужебный, 1661 г. Пражский народный музей. Шифр IX.H.19. Авторы сердечно благодарят сотрудников Пражского музея за любезное предоставление фотоснимка «цифрового алфавита».

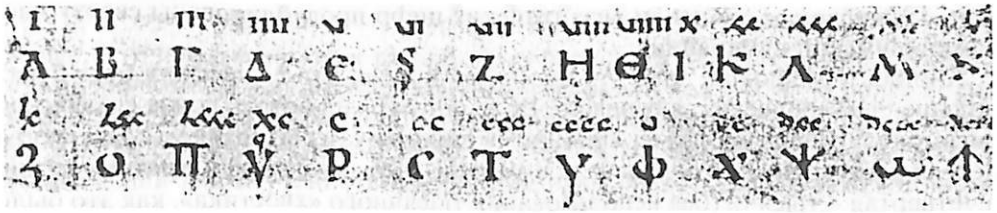

Рис. 19. «Цифровой алфавит», IX в. Собрание Бюргер-библиотеки, Берн, Швейцария

Возвращаясь к «Азбуке пермской», заключаем следующее. Поскольку 27-м знаком могло передаваться число л=900, то «л» с тысячным «хвостиком» (28-й знак) передавало 900 тысяч (900 × 1000 = 900000). Значит, 28-й знак указывал, что возможности цифровой системы «Азбуки пермской» (как и в случае рассмотренного славяно-молдавского «цифрового алфавита») простираются до записи чисел порядка 900000. Вместе с тем опора на южнославянскую цифровую традицию подтверждает высказанное суждение о XIV веке как времени создания оригинала «Азбуки пермской», так как именно на вторую половину этого столетия и начало следующего приходится второе южнославянское влияние, в русле которого, очевидно, развивались творческие интересы Стефана Пермского в разработке нумерации для новой письменности.

Чтобы понять историко-математическое и педагогическое значение стефановской цифровой системы, необходимо учесть особенности средневековой арифметической культуры [37]. По средневековым представлениям, запись чисел была фактически первым действием среди семи арифметических действий: нумерации, сложения, вычитания, удвоения, раздвоения, умножения и деления. Такое обилие арифметических действий обусловливалось громоздкостью и неудобством использовавшихся числовых систем (римской, различных буквенных). С переходом на индоарабскую (современную) позиционную десятичную нумерацию многие сложности удалось преодолеть, и от семи остались четыре известных всем с детства арифметических действия.

Стефану Пермскому приходилось думать о построении рациональной числовой системы в средневековых условиях. Он мог видеть отсутствие сочетаемости между буквами и «буквенными цифрами» в греческом письме и кириллице. Греческая классическая азбука содержала 24 буквы, для нумерации требовалось 27. Три недостающих знака (эписемы [38]) были добавлены к 24, получилась полная система цифр для обозначения чисел.

Неудобство состояло в том, что параллельно с греческой азбукой, использовавшейся для овладения письмом и чтением, при обучении счету и записи чисел приходилось прибегать к особым «цифровым алфавитам». Кроме того, поскольку эписемы не входили в буквенный алфавит, то именно они были подвержены графическим изменениям, что могло порождать путаницу. Это, например, видно по «цифровому алфавиту» IX в., где среднюю эписему (90) невозможно отождествить с привычной в этом качестве «коппой» (90)

---

[37] *Цайгер М. А.* Арифметика у древних славян и в допетровской России // ВИЕТ. 2007. № 2. С. 20–40.

[38] Т. А. Иванова в указанной выше работе эписемы называет возвышенно, но длинно «эписемоны».

(рис. 19, числовые значения византийских цифр продублированы сверху числами в римской нумерации).

Кирилл и Мефодий, зная эту проблему и видя, что славянских букв будет больше, чем греческих, в середине IX в. могли разработать новое славянское письмо (глаголицу) по нумерационному принципу: из 36 графем, с тем чтобы первая девятка знаков передавала единицы, вторая – десятки, третья – сотни, а четвертая – тысячи (без использования тысячного «хвостика», как это было у греков, а затем в кириллице). При этом для обучения письму (чтению) и счету требовался один общий алфавит. В нумерационном построении глаголицы были уверены такие крупные ученые, как Н. С. Трубецкой и Н. Н. Дурново; так думают и другие исследователи. Но не все авторы с этим согласны по той причине, что достоверные подлинники текстов Кирилла и Мефодия IX в. не сохранились (как, кстати, и книги Стефана Пермского XIV в.), а существующие глаголические тексты X–XI вв. позволяют реконструировать в первоначальной глаголице 38 букв.

После смерти Кирилла (869 г.) и Мефодия (885 г.) их ученики-глаголиты были изгнаны из Великой Моравии, а наследие славянской книжной культуры временно пришло в упадок. Однако вскоре болгарский князь Борис пригласил к себе учеников Кирилла и Мефодия для славянизации болгарской письменности, которая в государственной и церковной сферах была греческой. Соответствующий переход произошел в 893 г. при царе Симеоне, сыне князя Бориса. В Болгарии стали развиваться параллельно две славянских письменности – глаголица и кириллица. Кириллица использовала греческое письмо (и византийские цифры), восходя также к творчеству Кирилла и Мефодия середины IX в., как средство интерпретации греческими буквами изобретенных букв глаголицы (по гипотезе Т. Л. Мироновой [39]).

На Руси распространение получила кириллица (хотя здесь с XI в. сохранились следы знакомства и с глаголицей). Те проблемы, которые были в византийской числовой системе у греков, существовали и в славяно-русской письменной культуре. Только кириллических букв насчитывалось больше, чем цифр. Как отмечалось, в греческой практике было наоборот: количество цифр превышало число букв. Однако сложности оказывались аналогичными: для обучения цифрам требовался отдельный «цифровой алфавит», одной только буквенной азбуки было недостаточно.

Прорыв, достигнутый Стефаном Пермским, базировался на математическом осмыслении проблемы: он разработал новую буквенную систему на нумерационном принципе – т. е. Стефан Пермский применил тот подход, который по гипотезе Трубецкого и Дурново приписывается славянским первоучителям в построении глаголицы. Только во времена Стефана Пермского соответствующей гипотезы еще не существовало и в помине. Идея нумерационного построения новой письменной системы – целиком и полностью заслуга Пермского просветителя.

---

[39] *Миронова Т. Л.* Проблемы эволюции графико-орфографических систем древнеславянского культурного наследия. М., 1999. См. также на эту книгу рецензию Р. А. Симонова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 3 (5). С. 114–115.

* * *

Новые источники (пермская цифра «3» в записи на иконе «Святая Троица», тетрадные пометы пермскими цифрами) обнажили неизвестную ранее грань творчества Стефана Пермского по созданию оригинальной цифровой системы. Вместе с тем углубляется представление о хорошо известном и важном произведении для изучения наследия Стефана Пермского – «Азбуки пермской». Это произведение – не типичная буквенная азбука, хотя имеет признаки таковой: знаки для записи текстов на древнепермском языке и дидактическое средство обучения посредством слогов. «Азбука пермская» – и не типичный «цифровой алфавит», хотя бы потому, что включает слоги. Однако она имеет признаки такового: содержит 27 основных знаков, складывающихся в три группы по девять графем (единицы, десятки, сотни), и включает особый 28-й знак, показывающий предел нумерационных возможностей цифровой системы (до чисел порядка 900000).

Оставив в стороне многие положительные составляющие миссионерской деятельности святого Стефана Пермского, которые достаточно хорошо известны, отметим, что вклад этого средневекового просветителя в математическую культуру не получил должной оценки. Как автор уникальной цифровой системы, созданной свыше 600 лет назад, он заслуживает высокого места в мировой науке.